

**Н.М. Межевич,
Р.Е. Жилин**

**N. Mezhevich,
R. Zhilin**

**ИНФОРМАЦИОННО-
ПРОПАГАНДИСТСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ
РАСХОДОВ НА ПРИМЕРЕ
СТРАН ПРИБАЛТИКИ**

**INFORMATION AND
PROPAGANDA SUPPORT
FOR MILITARY SPENDING
ON THE EXAMPLE OF THE
BALTIC COUNTRIES**

Аннотация

Милитаризация экономики Европы – фундаментальная и долгосрочная тенденция независимая от партийно-политического ландшафта. Однако это явление имеет внутри региональную специфику. Авторы считают необходимым сделать упреждающее замечание. В представленной статье не обсуждаются причины милитаризации стран. Исследуются только вопросы информационно-пропагандистского обеспечения военных расходов на примере стран Прибалтики. Задача, которую ставят авторы, заключается в попытке определения предела возможностей мобилизационной парадигмы для экономики и общества. Этот подход актуален для постсоветского пространства. Причем, если рассматривать Прибалтику находящейся вне постсоветского пространства, то следует признать, что политические процессы в Прибалтике весьма напоминают то, что происходит в классическом постсоветском пространстве.

В качестве базовых подходов используются подходы компаративистики, как направления в зарубежном регионоведении. В соответствии с этими подходами малая страна при всей ограниченности суверенитета, понимается как самоуправляемое сообщество, которому внешние акторы выставляют границы, но в пределах поставленных целей пути их достижения выбираются самостоятельно. Именно это происходит в военными расходами. Политическое руководство Европейского Союза и НАТО милитаризацию рассматривает, как стратегическую цель. Равным образом, именно Таллин, Рига, Вильнюс должны гарантировать общественную управляемость эффективность

Abstract

The militarization of the European economy represents a fundamental and long-term trend that transcends party-political dynamics. At the same time, this phenomenon exhibits clear regional specificities. The authors consider it important to make a preliminary clarification: the causes of militarization are not addressed in this article. Instead, the analysis focuses exclusively on the informational and propaganda support of military expenditures, using the Baltic states as a case study. The primary objective of the article is to assess the limits of the mobilization paradigm as applied to both the economy and society. This perspective is particularly relevant to the post-Soviet space. Moreover, even if the Baltic states are formally considered outside this space, it should be acknowledged that their political processes display strong similarities with those observed in the classical post-Soviet context.

The study is grounded in comparative approaches commonly used in foreign regional studies. Within this framework, a small state, despite its constrained sovereignty, is understood as a self-governing entity whose external environment defines its boundaries, while leaving it the autonomy to determine the means of achieving prescribed objectives. This logic is clearly reflected in the sphere of military spending. While the political leadership of the European Union and NATO defines militarization as a strategic priority, it is the responsibility of Tallinn, Riga, and Vilnius to ensure effective public legitimization of this policy, including the management of propaganda narratives

пропагандистских нарративов, оптимальный ответ на вопрос о соотношении «пушек и масла».

and the formulation of an optimal balance between “guns and butter”.

Ключевые слова:

милитаризация, военные расходы, мобилизационная экономика, управление информацией, пропаганда.

Key words:

militarization, military spending, mobilization economy, information management, propaganda.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-41-53>

Для обеспечения функционирования политических режимов недостаточно только объективной информации и даже пропаганды. Все понимают, что нужен ещё некоторый минимум уровня жизни, но вопрос, какой? Где заканчиваются пределы экономической и тем более общественной мобилизации? Как выглядит ответ на этот вопрос в специфических условиях Прибалтики? Важной задачей политических элит Прибалтики стало нахождение равновесной точки, чтобы давать своему населению как можно меньше, но, при этом, не разрушить собственно модели государственного управления, т. е. свой «кормящий политический ландшафт». Закономерно то, что первым ресурсом выступило накопленное за послевоенный период национальное достояние, перераспределение которого стало осуществляться по этническому принципу.

В начале XXI века этот ресурс закончился, но при символических военных расходах и трансферах из ЕС возможности поступательного экономического развития сохранялись. Однако восстановление после экономического кризиса 2007-2009 гг. было лишь частичным, что и показал ковидный период. Новым ресурсом стало уничтожение русскоязычного бизнеса и введение экономических ограничений по этническому признаку. Мнение нетитульного населения никого во власти не интересует так что риски были минимальными. Тем не менее, до 2021-2023 гг. потенциал сохранения прежнего уровня экономического развития сохранялся. Подчеркнем, речь могла идти только о сохранении. Последним ресурсом стало реформирование налоговой системы и рост ограничительной государственной политики. На современном этапе «под удар» попал ядерный электорат, иными словами литовский, латышский, эстонский средний класс, который является верным стражем либеральной экономической политики и правых партий.

Фактор военных расходов в формировании стабильной модели экономического развития хорошо изучен, но в основном на примере авторитарных или тоталитарных режимов, или же условно демократических режимов, ак-

цептировавших чрезвычайные меры (Григорьев, 2026). Масштаб вызовов для современной Европы и России, Китая и США определяется тем, что мобилизация в экономике является не только технологически сложным делом, но и финансово обременительным. Однако и это не исчерпывает сложности. Германия и СССР условного 1936 года уже много лет находились в экономических и политических практиках мобилизационной экономики. Соответственно любые новые решения власти не были сменой парадигмы и рассматривались в существующем контексте экономических усилий и политических ограничений. Германия демонстрировала единство мобилизации экономики и общества. Франция, в годы Первой мировой войны показавшая уникальные способности к мобилизации, во Вторую мировую войну, сложила оружие имея возможности сражаться.

Вопрос, который экономисты и политологи самостоятельно решить не могут, связан с оценкой исторических событий и анализом культурного кода. Обозначим вопрос, как получилось, что Германии смогла воевать во Вторую мировую войну «до последнего», но в Первую мировую войну, признала политическое поражение задолго до военного. Собственно, военные и даже экономические аспекты, безусловно имеют значение, но объяснить немецкий парадокс только этими вопросами достаточно сложно. Гипотеза применимая к современной ситуации в Прибалтике, мы предполагаем то, что последовательное наращивание военных расходов, производимое параллельно с наращиванием информационного воздействия, позволяет достаточно долго держать общество под контролем.

Рациональное объяснение милитаризации в Прибалтике находится в большей степени в сфере политологии и политического управления, а не в сфере экономики. Это достаточно трудно доказать с помощью статистики, которая повсеместно «закрывается», но контент-анализ политических заявлений показывает то, что в каждом из трёх государств заявления о том, что война с Россией дело ближайшего будущего и заявления о том, что война в ближайшее время не произойдёт чередуются. Это позволяет поддерживать высокий мобилизационный градус общественных настроений, но при этом не вести реальных экономических трансформаций. С другой стороны, позволяет держать ситуацию под контролем дозируя «пятиминутки ненависти».

Политическое руководство стран Прибалтики при ухудшении экономической ситуации, в общественном сознании использует «эффект осажденной крепости». Ощущение противостояния России, Беларуси, США, Китаю, европейским конкурентам представляет мощнейший фактор сплочения, обеспечивающий поддержку существующих режимов. Эффект «осажденной крепости» в Прибалтике способен превратить материальные лишения в предмет

гордости. Как не странно, общая советская и имперская история этому способствует.

Динамика военных расходов

Возвращаясь к собственно экономическим вопросам, отметим то, что для всех трёх стран рубеж 6-7% военных расходов является критическим. При этом каждая из трех парламентских республик уже не может пойти по пути уменьшения расходов.

Авторы считают, что до 2029-2030 гг. действующая динамика может сохраниться, не приведя при этом к серьёзному падению жизненного уровня, однако дальнейшее движение этой модели невозможно.

В настоящее время страны Прибалтики готовы максимизировать военные расходы обсуждая преодоление планки в 7% и 10% от ВВП, что в условиях мирного времени очень много. Выраженные в евро эти суммы не производят большого впечатления, но для малых стран Европы в мирное или даже военное время они уникальны.

В марте 2026 года был опубликован ежегодный доклад генерального секретаря НАТО, включающий оценку динамики оборонных расходов стран альянса за 2014-2025 гг. В своем выступлении М. Рютте особо подчеркнул значительный рост расходов европейских союзников, отметив переход к модели, при которой европейские страны НАТО снижают чрезмерную зависимость от американского финансирования и берут на себя большую ответственность.

За 2025 год впервые доля расходов США в общем объеме НАТО опустилась ниже 60%, в то время как в 2014-2021 гг. она превышала 69%. Это достаточно существенно на фоне критики со стороны президента США Д. Трампа относительно ограниченных усилий европейских партнеров в контексте эскалации конфликта с Ираном.

Согласно предварительным данным за 2025 год, все страны НАТО впервые достигли или превысили целевой показатель в 2% ВВП на оборону. Данный результат приобретает особую значимость в свете решений саммита НАТО 2025 года об установлении новой цели в 5% ВВП к 2035 году. Хотя страны Прибалтики в силу относительно небольшого масштаба своих экономик не формируют значительный вклад в общий бюджет альянса, их динамика демонстрирует исключительную приверженность этим целям: именно Литва (рост на 537,4%) и Латвия (на 369,36%) возглавили рейтинг по относительному увеличению оборонных расходов в 2014-2025 гг.

Повышение военных расходов стран Прибалтики следует рассматривать в более широком контексте перераспределения ответственности за

обеспечение европейской безопасности (Ознобищев, Климов, 2024), которое сопровождается усилением роли европейских государств в архитектуре НАТО (Гриняев, 2025; Бажан, 2026). В этом отношении примечательна договорённость Германии и Нидерландов о передаче немецко-нидерландскому корпусу, размещённому в Мюнстере, функций по обороне Латвии и Эстонии. Так называемый 1-й немецко-нидерландский корпус (1GNC) к середине 2026 года планируется сделать тактическим штабом НАТО в регионе, в совместном заявлении Германии и Нидерландов целью его развертывания является повышение «слаженности действий внутри НАТО и сдерживание России». Впрочем, эта позиция применительно к странам Балтийского моря давно потеряла оригинальность.

К 2020 году оборонные расходы стран Прибалтики уже находились на уровне, заметно превышавшем типичные показатели для малых европейских государств (Dudzevičiūtė, 2020). Последние годы отражают дальнейшее повышение оборонного планирования как приоритета политики, причем большая их часть согласована с военными расходами НАТО, в том числе по модернизации военной инфраструктуры. Заметен устойчивый рост военных расходов во всех трёх странах в 2020-2025 гг., однако этот рост был неравномерным по темпам и масштабам. В 2020-2021 гг. изменения носили преимущественно инерционный характер: все три государства сохраняли близкие значения и относительно умеренную траекторию увеличения. Ситуация принципиально изменилась в 2022 г., к 2023-2024 гг. рост расходов приобрёл выраженно восходящий характер (табл. 1). В абсолютном выражении расходы Эстонии и Латвии к 2025 году выросли примерно вдвое по сравнению с началом периода, тогда как Литва продемонстрировала наиболее масштабную динамику – более чем втрое увеличение. Таким образом, данные фиксируют не просто рост, а структурное закрепление более высокого уровня военных расходов.

Таблица 1. Военные расходы стран Прибалтики 2020–2025 гг.¹

Страна / Год	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Эстония (млн евро / % ВВП)	615 2.24	647 2.08	772 2.14	1132 2.92	1333 3.22	1370 3.13
Латвия (млн евро / % ВВП)	658 2.18	705 2.11	823 2.14	1182 2.95	1359 3.3	1615 3.75
Литва (млн евро / % ВВП)	1030 2.07	1104 1.97	1648 2.45	2001.7 2.71	2426 3.11	3361.8 4.03

¹ Составлено авторами по данным: Estonian centre for defence investments, Ministry Of National Defence of the Republic of Lithuania и Ministry of Defence of Latvia.

При этом картина в трёх странах в целом сходна, что указывает на общую региональную логику реагирования на изменившуюся военно-политическую среду. Это продолжает тенденции, заложенные в 2000-х и 2010-х гг. в рамках интеграции стран Прибалтики в НАТО (Воротников, 2019). Различия в изменении военных расходов на данный момент касаются прежде всего интенсивности: Литва выглядит наиболее динамичной в части абсолютного увеличения и относительного прироста, тогда как Эстония и Латвия демонстрируют несколько более плавную, но также восходящую траекторию. В процентах к ВВП особенно заметен рост после 2022 года: к 2024–2025 гг. все три страны вышли на уровень свыше 3%. Сохраняющиеся различия в темпах роста показывают, что при общей направленности курса каждая страна выбирает свою степень интенсивности военного расширения. Стоит отметить, что это выше, чем средняя доля ВВП стран ЕС, которая, в соответствие с отчетом Европейского оборонного агентства (EDA), составила 1,9% и 2,1% в 2024 и 2025 гг. соответственно.

Если динамика 2020–2025 гг. фиксировала устойчивое наращивание оборонных расходов, то планы на 2026 г. свидетельствуют о переходе к еще более высокой фазе мобилизации с использованием средств бюджета. Эстония в 2026 году намерена довести оборонные расходы примерно до 2,4 млрд евро, что соответствует более чем 5% ВВП. Основные ресурсы предполагается направить на укрепление противовоздушной обороны, развитие беспилотных систем и наращивание запасов боеприпасов. При этом в среднесрочной перспективе сохраняется выраженный акцент на капитальные закупки и материальное обеспечение: значительная доля бюджета на 2026–2029 гг. будет приходиться на приобретение вооружений и боеприпасов, что указывает на цель на системное расширение военного потенциала.

Латвия, в свою очередь, планирует установить новый максимум, доведя оборонный бюджет до 4,91% ВВП (2,158 млрд евро). В латвийском случае приоритеты также задаются логикой ускоренного укрепления боеспособности: ключевыми направлениями становятся противовоздушная оборона, масштабные инвестиции в технику, беспилотные средства и инфраструктуру. Стратегия демонстрирует сочетание закупочной и инфраструктурной компоненты, что свидетельствует о стремлении не только увеличить бюджетный объем, но и создать более устойчивую материальную основу для долгосрочного военного планирования.

Наиболее масштабный характер приобретает политика Литвы. В 2026 г. страна утвердила рекордный государственный бюджет, предусматривающий 5,38% ВВП, или около 4,79 млрд евро, на оборону. Литовская модель отражает более широкий курс на превращение оборонного сектора в

центральный элемент государственной модернизации. Показательно и то, что официальный Вильнюс последовательно выстраивает международную рамку интерпретации этих расходов, подчеркивая их связь с обязательствами перед НАТО и представляя собственную бюджетную эволюцию как пример перехода от сравнительно скромного уровня военного финансирования к одной из наиболее высоких планок в альянсе.

Таким образом, страны Прибалтики не только сохраняют общий тренд на опережающее наращивание оборонных расходов, но и переходят к более жесткой модели стратегического инвестирования, где рост бюджета становится инструментом демонстрации союзнической надежности.

Способствование финансированию обороны соотносится с общей тенденцией, наблюдаемой на уровне ЕС. В частности, активно применяется Европейский оборонный фонд (EDF), ориентированный на поддержку проектов в технологических сферах, имеющих значение для развития оборонного потенциала. По итогам отбора грантовых заявок в 2025 году было поддержано 57 оборонных инициатив, в реализации которых заметную роль играют компании из стран Прибалтики. Кроме того, в рамках более координированной политики ЕС в оборонной сфере усиливается не только инфраструктурное взаимодействие, но и развитие тренинговых и образовательных программ. В 2025 году это, в частности, проявилось в деятельности Европейского колледжа безопасности и обороны.

Подведем промежуточные итоги, военные расходы стран Прибалтики растут динамично, в душевом измерении Эстония, Латвия, Литва стали европейскими лидерами. Возникает закономерный вопрос, как же происходит процесс милитаризации с точки зрения устойчивости экономики и общества? В чем же специфика Прибалтики, как группы малых стран?

Информационное обеспечение

С нашей точки зрения именно в Прибалтике удалось взять под контроль общественное мнение и обеспечить уникальную для Европы степень общественного единства и формализации демократии. Это произошло благодаря задействованию глубинных исторических комплексов, а также сочетанию двух форм информационно-психологического воздействия, манипулятивного (субъект-объектным) и развивающего (субъект-субъектным) (Баранов, 2017, 30). «Информационная политика представляет собой одно из важнейших направлений государственной политики, которое можно рассматривать как инструмент политического влияния и средство достижения политических целей, поскольку субъекты информационной политики спо-

собны с помощью информации влиять на сознание, психику людей, их поведение и деятельность...» (Мазур, Христофоров, 2025).

Любая идеология и политические формы ее реализации предполагает становление инструментов достижения политического единства и формы экономической мобилизации, но в современной Прибалтике эта задача оказалась относительно несложной. Действительно, суверенное государство или государства, зависящие от внешних центров управления, стремятся, как минимум, контролировать цели общественного развития, и, по возможности, управляют смыслами, идеями, восприятием реальности на территории своей страны. Задача, успешно решаемая в Прибалтике, заключается в формировании в сознании людей набора устойчивых представлений, опирающихся на директивные указания государства. Публичное неприятие этих представлений формируется не набором каких-то фактов, событий, действий, а исключительно их интерпретацией.

Если предположить то, что политическая агитация направлена преимущественно на мужчин в возрасте от 18 до 55 лет, не трудно зафиксировать военные критерии.

«Сформированная в период поздней глобализации система управления коммуникационными процессами, возникновение феномена «универсальной повестки дня» были одними из важнейших элементов «глобальной взаимозависимости». Одним из наиболее активно использующихся инструментов формирования нового социально-политического пространства становится «постреальность», являющаяся дальнейшим развитием механизма «постправды», обеспечивавшей доминирование «условного Большого Запада» в глобальном информационно-политическом пространстве в эпоху однополярного мира» (Дмитриев, Евстафьев, 2026). В высокоразвитых странах в начале XXI века живут люди, относящиеся к большому среднему классу, признаком которого является избыток информации, ее больше, чем потребитель может пропустить через себя. Информация перешла на технологию самовоспроизводства. Сегодня телефон официантки таллинского кафе дает больше информации, чем закрытые подписки для высших должностных лиц Коммунистической партии Эстонии 50 лет назад.

Вторая проблема. Два поколения назад эксперты могли делать правильные выводы исходя из минимума информации. Однако сегодня информация уже в фильтрованном и упакованном виде лежит в интернете, но кто может положиться на то, что эта упаковка не сделана под определенный заказ? Информации стало настолько много, что трудно прочитать даже заголовки (Pariser, 2011), это было всеми зафиксировано очень быстро, и затем был провозглашен следующий постулат: «В силу растущей глобализации

информации становится невозможно представлять одну версию фактов своему народу, а другую – внешнему миру» (Mercier, 2004). Столкнувшись с этой проблемой, информационные-транснациональные корпорации начали работать с так называемым «пузырем фильтров». «Заостряя внимание на самом популярном контенте и таким образом делая его еще более видимым, алгоритм способствует установлению ничем не ограниченной власти большинства, когда доступ к широкой аудитории получают только те аккаунты и контент, которые и без того были популярны» (Brunns, 2019). Информационные операции ведутся специализированными военными и гражданскими структурами, и включают в себя все виды информации и информационных систем (Балабин, 2013).

Экономическая составляющая

Важно отметить, что повышение расходов на военные нужды и их информационное сопровождение происходят на фоне экономических проблем во всех трех странах Прибалтики.

Эстония выходит из длительного периода стагнации, характеризующегося фискальной консолидацией. Например, Эстония повысила ставку НДС с 20% до 22% в январе 2024 года, Правительство Эстонии официально называло это повышение НДС налогом на оборону. Также в Эстонии повысили налог на доходы физических лиц и налог на корпоративные дивиденды с 20% до 22%. Уровень цен на продукты питания во всех странах Балтии превышает средний в Евросоюзе: в Эстонии цены на 9% выше, в Латвии – на 4%, а в Литве – на 2%.

По оценке такого финансового института как Citadele, в 2026 г. ВВП Литвы должен был вырасти на 3%; ВВП Латвии – на 2%; ВВП Эстонии – на 2,3%. Как обычно прогноз скорректирован. Luminor сохранил оценки роста ВВП Эстонии на 2026 год (2%) и 2027–2028 гг. (по 3%). Прогноз инфляции подтвержден на уровне 3% на 2026 года, 2% – на 2027 год и повышен до 3% с 2% на 2028 г. Повторилась классическая схема прибалтийского экономического прогнозирования, изначально ориентированная на политические цели общественного управления. На первом этапе делается оптимистичный прогноз, затем в течении года он два раза корректируется в сторону уменьшения. На втором этапе, уже в следующем бюджетном году, прогноз признается провальным и делается столь же оптимистичный прогноз на следующий год.

Рассмотрим показатели инфляции (годовая, среднее по ЕС – 3,3%, данные – май 2026 года). При этом инфляция в Литве – 5,1% (третья худшая страна после Румынии и Болгарии), в Эстонии – 3,6%, Латвии – 3,5%. Уровень безработицы – среднее по ЕС – 5,9%, при этом Литва – 7,0% (не

изменилась с 2025 года), Эстония – 6,4% (в мае 2025 года – 7,8%), Латвия – 6,5% (не изменилась с 2025 г.). Похожая ситуация с дефицитом бюджета (по сравнению с прошлым годом, данные – апрель 2026 года) в Литве – 606,9 млн евро (рост на 7% с апреля прошлого года), Эстония – 365 млн евро (рост на 5% с апреля прошлого года), Латвия – 249,2 млн евро (сокращение на 5% с апреля прошлого года). Покупательная способность населения Прибалтики также не демонстрирует серьезных успехов. (данные за 2025 г.; 100 – средняя по ЕС). Латвия – 71 (ниже только Греция и Болгария), Литва и Эстония несколько ближе к среднему значению. Близкая ситуация с индексом роста цен на жилье (изменение по сравнению с первым кварталом 2025 г., данные – первый квартал 2026) при среднем по ЕС – 5,1%. Показатель Литвы – 11,9%, Эстонии – 5,9%, Латвия – 10,9%.

Государственный долг (данные за 2025 г.) растет во всех трех странах. В Эстонии и Латвии – на несколько процентов за последние пять лет. В Литве – растет только в последние три года. Литва – 39,5% от ВВП (в 2024 г. – 38%; в 2023 г. – 37,5%; в 2020 – 45,9%) Эстония – 24,1% от ВВП (в 2024 г. – 23,5; в 2023 г. – 20,2) Латвия – 46,9% от ВВП (в 2024 г. – 46,2; в 2023 г. – 44,4).

Стремление к получению адекватной информации естественно для любого общества, Прибалтика здесь не исключение. Равным образом, желание обеспечить наилучшее качество управления считалось императивом успешного развития. Строго говоря, первое неразрывно связано с вторым. Однако на практике так получается далеко не всегда, но разрыв между объективными потребностями управления и объективной информацией в странах Прибалтики феноменален. Ранее мы говорили о том, что наличие достоверной информации не гарантирует принятие адекватных управленческих решений. В Эстонии, Латвии, Литве объективная информация по ключевым экономическим и политическим вопросам есть, но «информационное общество перемещает человека в искусственно созданную им же информационную среду, которая начинает предъявлять к нему свои собственные требования во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере политических отношений» (Кирсанов, 2021, с. 68).

Одним из главных уроков СВО для России является недооценка информационного фактора. Между тем, медиа-коммуникационная агрессия избрана в качестве главного оружия тотальной войны против РФ (это тема в целом изучена) и столь же тотальной ре-оккупации собственных стран. Для Прибалтики российская СВО также оказалась очень важной с точки зрения понимания коммуникационных факторов и роли пропаганды.

Населению России совсем недавно (примерно два десятилетия назад) была сделана болезненная прививка от стремления к экономическим и политическим экспериментам. Память об экономической катастрофе жива для абсолютного большинства российского общества. В Прибалтике же выход из кризиса начался уже в середине 90-х. Триумф «холодильника» состоялся в Прибалтике на фоне максимального экономического кризиса в России. Соответственно в Прибалтике населению есть что терять, а историческая память подсказывает к чему это приведет.

2025 год для Эстонии, Латвии, Литвы стал временем накопления экономических проблем, но не одна из них не стала критической с точки зрения политической устойчивости. Все эти проблемы имеют сложную природу, многолетние основания и отсутствие возможностей решения. В 2025 году оценки экономического роста трех стран позиционировались вокруг «нуля». Весь комплекс статистических показателей кроме безработицы – худший в ЕС, и примерно близок к данным по Болгарии и Румынии. Эти обстоятельства даже не скрываются органами власти трех стран. Однако, несмотря на очевидные катастрофические тенденции, балтийские элиты все равно не намерены менять политический курс, а значит и его экономическое содержание.

Литература

Bruns, A. (2019). Are filter bubbles real? Digital Futures Series. Polity Press, United Kingdom.

Dudzevičiūtė, G. (2020). Structural Trends of Defence Expenditure in the Baltic Countries. Challenges to national defence in contemporary geopolitical situation, (1), 257–261. <https://doi.org/10.47459/cndcgs.2020.34>.

Mercier, A. (2004). Guerre et medias: permanences et mutations. [War and the media: permanences and mutations]. Raisons politiques, (13), 97–109. (In French). <https://doi.org/10.3917/rai.013.0097>.

Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You by Eli Pariser. New York: Penguin Press.

Бажан, А. И. (2025). Милитаризация экономики Прибалтики. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 48(6), 66–76. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620256676>.

Баранов, Е. Г. (2017). Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание. Национальный психологический журнал, 1(25), 25–31. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0103>.

Балабин, В. И. (2013). О некоторых аспектах завоевания информационного превосходства над потенциальным противником. Проблемы безопасности российского общества, (2-3), 76–84.

Воротников, В. В. (2019). Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги. Современная Европа, (7), 124–135. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135>.

Григорьев, Л. М. (2026). Гражданская война в США (1861–1865): экономические аспекты. Современная мировая экономика, 1(13), 6–25. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2026-4-1-6-25>.

Гриняев, С. Н. (2025). Милитаризация европейского Запада и Арктики: изменение стратегического баланса и угрозы интересам РФ. Аналитические записки Института Европы РАН, (31), 12–19. <http://doi.org/10.15211/analytics43120251219>.

Гуселетов, Б. П. (2026). Современная роль России на постсоветском пространстве: в поисках ответов на новые вызовы. PolitBook, (2), 7–21. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-7-21>.

Дмитриев, О. А. & Евстафьев, Д. Г. (2026). Эволюция «власти коммуникаций»: от постправды к постреальности. Возможности и пределы социального и политического управления. Управленческое консультирование, (2), 9–22.

Кирсанов, А. И. (2021). Информационная культура — стратегический ресурс политической безопасности личности в информационном пространстве. Власть, 29(2), 62–70.

Мазур, О. Г. & Христофоров, К. С. (2025). Тенденции и результаты реализации информационной политики в странах Северной Европы. Политологические записки, (4), 21–35.

Ознобищев, С. К. & Климов, В. А. (2024). «Новая» милитаризация Европы? Мировая экономика и международные отношения, 68(12), 14–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25>.

References

Bruns, A. (2019). Are filter bubbles real? Digital Futures Series. Polity Press, United Kingdom.

Bazhan, A. I. (2025). Militarization of the Baltic economy. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, 48(6), 66–76. (In Russ). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620256676>.

Baranov, E. G. (2017). The nature and psychological content of information psychological impact. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 1, 25–31. (In Russ). <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0103>.

Balabin, V. I. (2013). About some aspects of gaining information superiority over a potential adversary. Security Problems of the Russian society, (2-3), 76–84. (In Russ).

Dmitriev, O. A. & Evstafiev, D. G. (2026). Evolution of the "Power of Communications": from Post-truth to Post-reality. Opportunities and Limits of Social and Political Governance. Administrative Consulting, (2), 9–22. (In Russ).

Dudzevičiūtė, G. (2020). Structural Trends of Defence Expenditure in the Baltic Countries. Challenges to national defence in contemporary geopolitical situation, (1), 257–261. <https://doi.org/10.47459/cndcgs.2020.34>.

Grigoriev, L. M. (2026). The American Civil War (1861-1865): economic aspects. Modern World Economy, 1(13), 6-25. (In Russ). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2026-4-1-6-25>.

Grinyayev, S. N. (2025). Militarization of Europe and the Arctic: Transformation of the Strategic Balance and Threats to the Interests of Russia. Analytical papers of IE RAS, (31), 12–19. (In Russ). <http://doi.org/10.15211/analytics43120251219>.

Guseletov, B. P. (2026). The modern role of Russia in the post-soviet space: in search of answers to new challenges. PolitBook. (2), 7–21. (In Russ). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-7-21>.

Kirsanov, A. I. (2021). Information culture as a strategic resource for political security of personality in the information society. Vlast', 29(2), 62–70. (In Russ).

Mazurya, O. G. & Khristoforov, K. S. (2025). Trends and results of information policy implementation in the Nordic countries. Politologicheskie zapiski, (4), 21–35. (In Russ).

Mercier, A. (2004). Guerre et medias: permanences et mutations. [War and the media: permanences and mutations]. Raisons politiques, (13), 97–109. (In French). <https://doi.org/10.3917/rai.013.0097>.

Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You by Eli Pariser. New York: Penguin Press.

Oznobishchev, S. K. & Klimov, V. A. (2024). "New" militarization of Europe? World Economy and International Relations, 68(12), 14-25. (In Russ). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25>.

Vorotnikov, V. V. (2019). Euro-Atlantic Integration of the Baltic States: Some Results. Contemporary Europe, (7), 124–135. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135>. (In Russ)

Для цитирования: Межевич, Н. М. Информационно-пропагандистское обеспечение военных расходов на примере стран Прибалтики / Н. М. Межевич, Р. Е. Жилин // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 41-53. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-41-53.